

Джеймс
БАЛЛАРД
James
Ballard

ХРУСТАЛЬНЫЙ
МИР

Джеймс Грэм Баллард Последний берег

Scan by Mobb Deep; OCR by Ustas; Readcheck by Loshadka

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153591

Баллард, Джеймс Хрустальный мир: Роман. Рассказы / Пер. с англ.;

Послесловие В. Лапицкого: Симпозиум; СПб; 2000

ISBN 5-89091-144-9

Содержание

***	4
Лабиринт (1)	6
Искусственный ландшафт	8
«Третий предвоенный»	10
Третий берег	12
Трупы	15
Последний бункер	17
Озера и призраки	20
Лабиринт (2)	21
Лабиринт (3)	23
Стоянка подводных лодок	26
Травен: вместо предисловия	28
Заблудившийся в лабиринте	30
Запоздалое спасение	32
Морской патруль	37
Прощальный катехизис	39
Абсолютный полдень: Эниветок	41
«Прощай, Травен»	42
Расселина	43
Забытый японец	44
Муха	46
Последний берег	49

Джеймс Баллард

Последний берег

По ночам, лежа на полу разрушенного бункера, Травен слышал шум волн, разбивавшихся о берег лагуны, – словно где-то вдали прогревали двигатели гигантские самолеты, застывшие у края летного поля. Воспоминания о длительных ночных рейдах над японской территорией заполняли его первые месяцы на острове видениями охваченных пламенем, падающих бомбардировщиков. Когда организм ослаб под натиском бери-бери, эти кошмары прошли, и теперь шум прибоя напоминал лишь об огромных валах, обрушивающихся на Атлантическое побережье Африки близ Дакара, где он родился, и о том, как он ждал вечерами родителей, глядя из окна на дорогу от аэропорта. Как-то раз, еще весь во власти этих воспоминаний, Травен проснулся на своем ложе из старых журналов и вышел к дюнам, закрывавшим от него берег.

В холодном ночном воздухе хорошо видны были «летающие крепости», брошенные среди пальм за ограждением запасного посадочного поля метрах в трехстах от бункера. Травен брел по темному песку, уже забыв, в какой стороне

берег, хотя атолл был всего-то около километра в ширину. На вершинах дюн причудливо клонились в разные стороны высокие пальмы, похожие в полутьме на знаки некоего таинственного алфавита. Весь остров, казалось, был исписан какими-то загадочными символами.

Оставив попытки выйти к берегу, Травен наткнулся на след, выдавленный много лет назад большой гусеничной машиной. Жар ядерных взрывов сплавил песок, и двойная цепочка ископаемых следов, которую вечерний бриз очистил местами от нанесенного песка, змеилась между дюнами, словно отпечатки лап древнего ящера.

Сил идти дальше не было. Травен уселся между отпечатками траков и, надеясь, что следы все-таки выведут его к берегу, принялся расчищать ближайшую цепочку клинообразных вмятин от засыпавшего их в этом месте песка. К бункеру он вернулся незадолго до рассвета и проспал в раскаленной тишине почти весь день.

Лабиринт (1)

Обычно в эти изматывающие послеполуденные часы, когда с берега не доносилось ни малейшего дуновения ветерка и даже пыль лежала неподвижно, Травен отсиживался в тени одного из блоков, где-нибудь в самом центре состоящего из них лабиринта. Прислонись спиной к грубой бетонной стене, он флегматично разглядывал проходы между строениями и открывающуюся взору цепочку одинаковых дверей. Каждое утро Травен покидал свое убежище в заброшенном телеметрическом бункере среди дюн и забирался в лабиринт бетонных блоков. Первые полчаса он держался крайнего ряда, время от времени пробуя отпереть ту или иную дверь ржавым ключом, который нашел в куче консервных банок и прочего мусора на песчаной косе, соединяющей полигон и взлетную полосу, затем, будто следуя заведенному распорядку, обреченно сворачивал к центру лабиринта, иногда бросаясь бежать и резко меняя направление, словно хотел спугнуть заставшего где-то в укрытии невидимого врага. Очень скоро он снова понимал, что заблудился, и, несмотря на все его старания, ноги опять приводили его в центр лабиринта.

В конце концов он прекращал тщетные попытки и садился в пыль, наблюдая, как у основания блоков выползают из трещин тени. Так или иначе, когда солнце оказывалось в зените, он неизменно оставался в ловушке – пережидая термо-

ядерный полдень на острове Эниветок.

Больше всего его занимал один вопрос: «Что за люди жили в этом бетонном городке?»»

Искусственный ландшафт

«Этот остров – состояние памяти», – заметил как-то Осборн, один из ученых, работавших у старых причалов для подводных лодок. Травену эти слова стали понятны лишь спустя две-три недели. Несмотря на песчаные дюны и немногочисленные чахлые пальмы, в целом остров являл собой некий искусственный ландшафт, творение человеческих рук, напоминающее жуткое переплетение реликтовых автострад. Комиссия по атомной энергетике прекратила все работы на острове сразу после моратория на ядерные испытания, но дикое нагромождение боевой техники, бетонированных проездов, башен и блокгаузов напрочь исключало любые попытки вернуть этот клочок суши в естественное состояние. (А кроме того, признавал Травен, есть и более сильные, неосознанные причины: если примитивный человек ощущал необходимость подгонять окружающий мир под возможности своей психики, люди двадцатого века вывернули этот процесс наизнанку; по их картезианским меркам, остров, во всяком случае, точно существовал, что они вряд ли могли утверждать о прочих местах на Земле.)

Однако, кроме нескольких ученых, никто так и не пожелал вернуться на бывший полигон, и даже катер морской патрульной службы, стоявший в бухте на якоре, убрали оттуда за три года до того, как Травен появился на острове. Запу-

стение, царившее там, очевидная связь острова с периодом «холодной войны» – с периодом, который Травен окрестил «третьим предвоенным», – действовали крайне угнетающе, это был какой-то Аушвиц душ человеческих, чьи памятники стояли над общими могилами еще живых людей. С наступлением разрядки в русско-американских отношениях эту кошмарную главу истории с радостью забыли.

«Третий предвоенный»

«Как реальная, так и потенциальная разрушительная сила ядерного оружия действует непосредственно на подсознание человека. Даже поверхностное изучение снов и фантазии умалишенных доказывает, что мысли о гибели мира скрытно присутствуют в человеческом подсознании... Нагасаки, уничтоженный колдовской силой науки, – это пока максимальное приближение к реализации подсознательных стремлений, которые и в безопасном состоянии сна и покоя нередко порождают тревожные кошмары».
Глоувер. «Война, садизм и пацифизм»

«Третий предвоенный»: этот период Травен характеризовал прежде всего моральной и психологической извращенностью, ощущением неразрывности истории и, самое главное, связи ее с близким будущим – два десятилетия, 1945-1965, словно повисли на краю вулкана третьей мировой войны. Даже смерть жены и шестилетнего сына, погибших в автомобильной катастрофе, казалась лишь частью этого колоссального процесса, синтезирующего историческое и духовное «ничто», частью беспорядочного переплетения суматошных автострад, где они каждое утро снова и снова встречали свою смерть, словно предваряя всемирный Арма-

геддон.

Третий берег

На берег Травен выбрался в полночь, после долгих и опасных поисков прохода между рифами. Маленькая моторная лодка, которую он нанял у австралийского ловца жемчуга на острове Шарлотт, пробитая в нескольких местах острыми коралловыми обломками, дала течь и затонула на мелководье. Травен из последних сил двинулся в темноте через дюны к бункерам и бетонным башням, едва заметным в сумерках среди пальм.

На следующее утро он проснулся от яркого солнечного света на каком-то пологом бетонированном склоне на берегу то ли пустого водоема, то ли контрольного резервуара метров шестидесяти диаметром, являвшегося частью системы искусственных озер, что располагались в середине острова. Решетки выходных каналов были забиты листвой и высохшей грязью, а чуть дальше в озерце теплой воды с полметра глубиной отражались несколько пальм.

Травен сел, пытаясь сообразить, все ли у него в порядке. Короткая инвентаризация, подтвердившая лишь целостность физической оболочки, включала в себя совсем немного пунктов: его собственное изможденное тело да обтрепанная хлопчатобумажная одежда – вот, пожалуй, и все. Хотя в свете того, что его окружало, даже этот набор лохмотьев сохранял некий жизненный заряд. Запустение и отсутствие на

острове какой бы то ни было местной фауны только подчеркивалось огромными скульптурными формами контрольных водоемов. Отделенные друг от друга узкими песчаными перемычками, эти искусственные озера тянулись полукругом, следуя за изгибом атолла, а по обеим сторонам их, кое-где укрытые тенью редких пальм, сумевших укорениться в трещинах бетона, располагались подъездные дороги, телеметрические башни и отдельные блокгаузы. Все это вместе образовывало сплошную бетонную коронку на зубе атолла – функциональное мегалитическое сооружение, такое же серое и угрожающее (и такое же, видимо, вечное, если смотреть на него из далекого будущего), как культовые памятники Ассирии и Вавилона.

Многочисленные ядерные испытания сплывали в песок слоями, и эти псевдогеологические слои на века сохранили следы кратких эпох термоядерной эры, каждая из которых длилась несколько микросекунд. Неудивительно, что остров выворачивал наизнанку известное у геологов изречение: «Ключ к прошлому лежит в настоящем». Здесь ключ к настоящему находился в будущем. Весь остров был реликтом будущего, а его бункеры и блокгаузы лишь наводили на мысль о панцирях и раковинах ископаемых животных.

Травен опустился на колени в теплом озерце и плеснул воды себе на рубашку. В воде отражались его худые плечи и бородатое лицо. На остров он приплыл, можно сказать, с пустыми руками, если не считать маленькой плитки шоко-

лада, – надеялся, что так или иначе прокормится. Возможно также, Травен отождествлял потребность в пище с движением по временной оси вперед и полагал, что с его возвращением в прошлое – или, по крайней мере, в некую вневременную зону – эта потребность просто исчезнет. Лишения, перенесенные за шесть месяцев плавания через Тихий океан, превратили его и без того худощавое тело в бесплотный призрак нищего бродяги – казалось, лишь озабоченность, застывшая в глазах, как-то еще позволяет ему держаться на ногах. Однако столь явственное телесное убожество как бы подчеркивало его внутреннюю стойкость и выносливость, экономичность и точность его движений.

Травен несколько часов подряд бродил по острову, обследуя бункеры один за другим и выбирая место для ночлега, пока не оказался на маленьком разрушенном аэродроме, возле которого, словно груда мертвых птерозавров, лежало с десятков бомбардировщиков «Б-29».

Трупы

Однажды он забрел на небольшую улочку, вдоль которой выстроились металлические павильоны – кафетерии, комнаты отдыха, душевые. За кафетерием валялся наполовину утонувший в песке музыкальный автомат с полным набором пластинок.

Дальше, в небольшом контрольном водоеме в пятидесяти метрах от павильона, лежали тела, как в первое мгновение подумалось Травену, бывших обитателей города-призрака – больше десятка пластиковых манекенов в рост человека. Их оплавленные лица, превратившиеся в невнятные гримасы, казалось, поворачивались ему вслед, наблюдая за ним из кучи перепутанных ног и торсов.

Со всех сторон доносился приглушенный дюнами шум океанских волн – там огромные водяные валы разбивались о рифы и медленно выползали на берег. Однако Травен избегал моря, застывая порой в нерешительности перед каждой дюной, откуда будет виден морской простор. Любая телеметрическая башня давала прекрасный обзор всего исковерканного пейзажа, но ржавым лестницам, ведущим наверх, он тоже не доверял.

Довольно скоро Травен понял: каким бы хаотичным ни казалось ему расположение башен и блокгаузов, над местностью доминирует одна общая фокусная точка, с которой

открывается уникальная перспектива. Присев отдохнуть у оконной щели одного из бункеров, он заметил, что все наблюдательные посты располагаются концентрическими дугами, сходящимися в святой святых острова. Центр этих дуг скрывался за линией дюн в полукилометре к западу.

Последний бункер

Проведя несколько ночей под открытым небом, Травен вернулся к бетонному берегу искусственного водоема, где проснулся в свое первое утро на острове, и устроил себе дом – если таким словом можно назвать сырую нору с осыпающимися стенами – в одном из бункеров для телеметрии метрах в пятидесяти от цепочки контрольных водоемов. Темная пещера с толстыми скошенными стенами хотя и напоминала склеп, но все же давала ощущение некоего убежища. Песок снаружи лежал волнами вдоль стен и уже наполовину завалил узкий вход: в бесчисленных песчинках словно кристаллизовалась огромная эпоха, начавшаяся со времен создания бункера. В западной стене, похожие на буквы рунического алфавита, зияли пять узких прямоугольных щелей для аппаратуры – форма и размеры каждой определялись соответствующими приборами. Различные варианты подобных знаков украшали и стены многих других бункеров – особая, неповторимая роспись на каждой стене. Просыпаясь по утрам, Травен видел перед собой пять ярких, окрашенных в цвет неба рунических знаков.

Большую часть дня в его пещеру просачивался лишь серый призрачный свет. В диспетчерской, в башне у аэродрома, Травен нашел подборку старых журналов и сделал из них постель. Как-то раз, лежа в бункере после первого обостре-

ния бери-бери, он вытянул из-под себя мешавший журнал и обнаружил внутри большую фотографию шестилетней девочки, светловолосой, спокойной, с задумчивым взглядом. Ее облик всколыхнул в нем множество болезненных воспоминаний о собственном сыне. Он приколот фотографию к стене и часто глядел на нее, погружаясь в раздумья.

Первые несколько недель Травен редко выбирался из бункера, отложив исследование атолла на потом. Символическое путешествие к сердцу острова устанавливало свои собственные сроки. Травен не планировал для себя никакого распорядка и очень скоро потерял всякое ощущение времени. Его жизнь обрела некое экзистенциальное качество – абсолютную отъединенность, полный отрыв одного мгновения от другого. Ослабев настолько, что он уже не в силах был искать пищу, Травен держался на НЗ, найденных в разбитой «летающей крепости». На то, чтобы без всяких инструментов открыть банку, у него порой уходил целый день. Он слабел все больше и больше, но взирал на свои исхудавшие ноги и руки с полным безразличием.

Со временем Травен забыл о существовании моря, и ему начало казаться, что атолл – как бы часть некоего бесконечного материка. В сотне метров к северу и к югу от бункера поднимались дюны, увенчанные загадочной клинописью пальм и скрывавшие море, а по ночам слабый рокот волн сливался в его восприятии с воспоминаниями о войне и о детстве. К востоку от бункера находилась запасная взлет-

ная полоса с брошенными рядом самолетами. В послеполу-
денном мареве четкие силуэты самолетов, казалось, начина-
ли двигаться, словно могучие машины собираются взлететь.
Перед бункером, где Травен обычно любил сидеть, уходила
вдаль цепочка мелких контрольных водоемов.

А над головой Травена, словно священные символы футу-
ристического мифа, смотрели со стены пять загадочных от-
верстий.

Озера и призраки

Озера построили, чтобы выявить радиобиологические изменения в специально подобранных представителях фауны, но подопытные животные давно уже выродились в гротескные подобию своих видов, после чего и были уничтожены.

Вечерами, когда бетонные бункеры и дорожки заливал призрачный замогильный свет, а контрольные резервуары представлялись декоративными озерами в городе мертвых, который покинули даже его обитатели, Травену иногда являлись призраки жены и сына. Одинокие фигуры наблюдали за ним с противоположного берега, казалось, часами. И хотя они были совершенно неподвижны, Травен не сомневался, что они взывают к нему. Очнувшись от раздумий, он поднимался на ноги и ковылял по темному песку к краю озера, входил в воду и двигался дальше, беззвучно крича что-то им в ответ, но жена и сын уходили рука об руку все дальше за озера и скрывались в конце концов где-то за силуэтами дальних построек.

Дрожа от холода, Травен возвращался в бункер, ложился на свою лежанку из старых журналов и ждал нового появления родных ему людей. А по реке его памяти плыли их лица – лица жены и сына, словно бледные фонари в ночи.

Лабиринт (2)

Только обнаружив лабиринт блоков, Травен понял, что никогда уже не покинет остров.

На этой стадии, месяца через два после прибытия, он полностью истощил свой скудный запас найденных продуктов, и симптомы бери-бери обострились еще больше. Ноги и руки отнимались, уходили силы. Лишь громадное напряжение воли и мысль о том, что он еще не успел побывать в святой святынях острова, помогали ему подниматься со своего журнального ложа и вновь выбираться из бункера.

Сидя в тот вечер на песке у входа в бункер, Травен заметил мелькающий за пальмами на дальнем конце атолла свет. Решив почему-то, что это жена и сын ждут его у жаркого костра среди дюн, он пошел на свет. Но метров через сто потерял направление и несколько часов плутал по краю аэродрома, в результате чего лишь порезал ногу притаившимся в песке осколком бутылки от кока-колы.

Отложив поиски, Травен отправился в путь на следующее утро. Он упрямо двигался мимо башен и блокгаузов, а над островом огромным удушливым покрывалом раскинулась жара. Время словно исчезло. И только сужающиеся контрольные площадки предупреждали его, что он входит во внутреннюю зону полигона.

Травен взобрался на холм – предельно дальнюю точку в

его исследованиях острова: на равнине перед ним, словно обелиски, поднимались телеметрические башни. Не раздуваемая, он двинулся к ним. На серых стенах башен остались бледные, как бы стилизованные очертания человеческих фигур в различных позах – тени сотрудников полигона, выжженные ядерной вспышкой на бетоне. То тут, то там висели в неподвижном воздухе над трещинами в бетоне кроны пальм. Контрольные водоемы здесь были меньше, зато больше стало в них сломанных пластиковых манекенов. В основном они лежали в мирных домашних позах, как и перед началом испытаний.

А за самой последней чередой дюн, где башни уже повернулись лицом к нему, показались крыши каких-то строений, похожих на стадо слонов с квадратными спинами. «Слоны» стояли рядами, словно в загоне с невысоким ограждением, и на их спинах поблескивало солнце.

Прихрамывая на больную ногу, Травен двинулся вперед. По обеим сторонам от него ветер подмыл дюны, и несколько блокгаузов завалились на бок. Равнина, утыканная бункерами, была примерно с полкилометра длиной и напоминала кладбище полузасыпанных песком судов, выброшенных взрывом на берег во время каких-то давних экспериментов, или гигантские панцири, оставленные стадом бетонных чудовищ, что расположились ровными рядами в низине.

Лабиринт (3)

Чтобы хоть в какой-то степени представить себе несметное количество, подавляющие размеры блоков и их воздействие на Травена, вообразите себя сидящим в тени одного из этих бетонных монстров или бредущим где-нибудь внутри огромного лабиринта, занимающего всю центральную часть острова. Их было ровно две тысячи – совершенно правильных кубов около пяти метров высотой на расстоянии десяти метров один от другого. Кубы стояли сходящимися в направлении эпицентра рядами, по двести штук в ряду. Годы, прошедшие с тех пор, как их построили, не оказали на них почти никакого воздействия, и голые силуэты кубов стояли как зубья гигантской штамповочной пластины, созданной, чтобы выдавить в воздухе прямоугольные формы, каждая размером с дом. Три стены были ровные и монолитные, а на четвертой, дальней от эпицентра, располагалась узкая дверь.

Именно эта деталь поразила Травена особенно сильно. Несмотря на столь значительное количество дверей, из-за странной игры перспективы из любой точки лабиринта можно было увидеть только двери, находящиеся в одном ряду. Когда Травен двигался от внешнего ограждения к центру лабиринта, маленькие металлические двери появлялись в поле зрения и исчезали ряд за рядом.

Штук двадцать кубов, ближайших к эпицентру, были из

сплошного бетона, у остальных толщина стен зависела от расположения. Однако снаружи все они выглядели одинаково монолитно.

Оказавшись в первом проходе, Травен почувствовал, что хроническая усталость, мучившая его столько месяцев, начала проходить. Бетонные строения с их геометрически правильным расположением и строгостью форм, казалось, занимали гораздо больше места, чем на самом деле, отчего Травена охватило ощущение абсолютного покоя и порядка. Стремясь забыть поскорее, как выглядит весь остальной остров, он двигался дальше и дальше к центру лабиринта и, наконец, свернув несколько раз наугад то влево, то вправо, оказался совсем один – ни моря, ни залива, ни самого острова уже не было видно.

Травен сел спиной к одному из блоков, забыв даже о том, что пошел на поиски жены и сына. Впервые с тех пор, как он оказался на острове, чувство отчуждения, вызванное здешним запустением, начало отступать.

Близился вечер. Он вспомнил, что ему надо поесть, но вдруг понял, что заблудился, и это оказалось для него полной неожиданностью. Двигаясь по своим следам назад, сворачивая резко то влево, то вправо, ориентируясь по закатному солнцу и решительно шагая то на север, то на юг, он снова и снова возвращался к исходной точке. И только когда стало совсем темно, ему удалось выбраться из лабиринта.

Оставив свое прежнее жилище у кладбища самолетов,

Травен собрал все консервы, что сумел отыскать в заброшенных башнях или в кабинах «летающих крепостей», и перетащил их на самодельных салазках через весь атолл. Он выбрал накренившийся бункер метрах в пятидесяти от внешней цепочки блоков и приколот выцветшую фотографию светловолосой девочки на стену у входа. Старая журнальная страница, вся покрытая трещинами, уже буквально разваливалась на куски и была похожа на отражение самого Травена в потускневшем, потрескавшемся зеркале. Обнаружив бетонные блоки, Травен превратился в существо, послушное лишь одним рефлексам, которые вызывались к жизни сигналами с каких-то неизвестных уровней его собственной нервной системы (Травен считал, что если над вегетативной нервной системой довлеет прошлое, то деятельность мозга определяет будущее). Просыпаясь по вечерам, он без аппетита ел и отправлялся бродить среди бетонных строений. Иногда Травен брал с собой фляжку воды и проводил там подряд два-три дня.

Стоянка подводных лодок

Эта призрачная жизнь длилась несколько недель. Однажды вечером, в очередной раз направляясь к лабиринту, Травен снова увидел жену и сына – они стояли среди дюн под одинокой телеметрической башней и с равнодушными лицами следили за его действиями. Травен догадался, что они последовали за ним через весь остров, оставив свое убежище среди высохших водоемов. Примерно в то же время он во второй раз заметил далекий свет и решил продолжить исследование острова.

Пройдя с километр, Травен обнаружил четыре причала для подводных лодок, построенных в пересохшем теперь заливе, что глубоко врезался в дюны. У причалов еще оставалось несколько футов воды, и там среди странных светящихся водорослей плавали не менее странные светящиеся рыбы. На вершине металлической мачты на берегу время от времени вспыхивал световой сигнал. Рядом, на пирсе, Травен обнаружил совсем недавно оставленный лагерь и с жадностью принялся перегружать продовольствие, сложенное в металлическом бараке, на свои салазки.

Еда стала разнообразнее, бери-бери отступила, и в последующие дни Травен возвращался в лагерь на пирсе довольно часто. Похоже было, здесь когда-то жили биологи. В строении, где размещался их штаб, ему попала на глаза подбор-

ка схем мутировавших хромосом; Травен скатал их в трубку и забрал с собой в бункер. Абстрактные изображения ничего ему не говорили, но, выздоравливая, он развлекался тем, что придумывал для них названия. Позже, проходя как-то раз мимо знакомого кладбища самолетов, он снова наткнулся на полусасыпанный песком музыкальный автомат со списком пластинок на панели управления и решил, что лучше названий не выдумаешь, он оторвал список и прихватил с собой. Украшенные названиями песен, схемы сразу обрели некую многослойную ассоциативность.

Травен: вместо предисловия

Составляющие прерывистого мира:

Последний берег.

Последний бункер.

Лабиринт.

Этот ландшафт закодирован.

Входы в будущее – Уровни концентрического лабиринта

– Зоны значимого времени.

5 августа. Нашли человека по фамилии Травен. Странная, потерянная личность. Скрывается в бункере в заброшенной центральной части острова. Налицо признаки лучевой болезни и плохого питания, но он как бы ничего этого не замечает и, если уж на то пошло, не воспринимает вообще никаких перемен в окружающем мире...

Утверждает, что прибыл на остров с целью неких научных исследований – каких именно, не говорит, – но я подозреваю, что он прекрасно знает и зачем сюда прибыл, и то, сколь уникальна роль острова. Здешний ландшафт как-то странно связан, по-моему, с неким подсознательным ощущением времени, в частности с тем, что является подавленным предчувствием нашей собственной смерти. Как показывает прошлое, нет необходимости лишний раз говорить о притягательной

силе и опасном влиянии на человека подобной архитектуры...

6 августа. У него глаза одержимого. Надо полагать, он не первый и не последний человек, попавший на этот остров.

Доктор К. Осборн. «Эниветокский дневник»

Заблудившийся в лабиринте

По мере того как подходили к концу продовольственные запасы, Травен все чаще оставался внутри лабиринта – без сил для того, чтобы иметь возможность по-прежнему медленно бродить по пустынным проходам между бетонными блоками. Порезанная стеклом правая нога воспалилась, и стало трудно ходить за продуктами в покинутый биологами лагерь. Травен все больше слабел, и у него все реже возникало желание выйти за пределы лабиринта. Система этих мегалитических строений полностью заменила в восприятии Травена то, что давало ему ощущение относительно устойчивого порядка во времени и в пространстве. Вне лабиринта его восприятие окружающего мира сужалось до нескольких квадратных сантиметров песка под ногами.

В один из своих последних визитов в лабиринт Травен всю ночь и следующее утро провел в тщетных попытках выбраться назад. Он плелся от одной прямоугольной тени к другой, волоча тяжелую, как дубина, и, похоже, распухшую уже до колена ногу, и вдруг осознал, что ему срочно необходимо отыскать какую-то альтернативу этим блокам – иначе он умрет здесь, в плену построенного его воображением мавзолея, как умирала вместе с погребенным в пирамиде фараоном вся его свита.

Травен безвольно сидел где-то в центре лабиринта и гля-

дел на уходящие вдаль кубы-гробницы, когда по небу, медленно деля его на две половины, прополз с гудением легкий самолет. Он миновал остров, но спустя пять минут вернулся. Решив, что это его последний шанс, Травен заставил себя встать и искать выход из лабиринта, то и дело поглядывая вверх, на чуть поблескивающий в небе серебристый крестик.

Уже лежа в своем бункере, он смутно расслышал, как, продолжая осмотр острова, самолет снова пролетел где-то рядом.

Запоздалое спасение

– Вы кто? Вы хоть понимаете, что живы просто чудом?

– Травен... Со мной произошел несчастный случай. Я рад, что вы прилетели.

– Не сомневаюсь. Но почему вы не воспользовались радиотелефоном? Впрочем, ладно, я свяжусь с военными моряками, чтобы вас отсюда забрали.

– Нет...– Травен приподнялся, опершись на локоть, и неуверенно пошарил в карманах.– У меня где-то есть разрешение. Я занимаюсь исследованиями...

– Какими именно? – Впрочем, в вопросе ни малейшего подвоха не чувствовалось. Травен лежал в тени бункера. Пока доктор Осборн бинтовал ему ногу, Травен тянул ослабевшими губами воду из фляжки.– Кроме того, вы воровали наши припасы.

Травен покачал головой. Метрах в пятидесяти от них, словно блестящая стрекоза, стояла на бетоне бело-голубая «Чесна».

– Я не предполагал, что вы вернетесь.

– По-моему, у вас жар.

Сидевшая в кабине самолета молодая женщина спрыгнула на бетон и подошла к ним. Она смотрела на серые бункеры и башни, но почти не проявляла интереса к потерявшему человеческий облик Травену. Осборн что-то сказал ей, и,

глянув на Травена, женщина пошла к самолету.

Когда она обернулась, Травен вдруг резко приподнялся, узнав ту девочку с фотографии в журнале, приколотой к стене его бункера. Потом сообразил, что журналу от силы лет пять. Снова загудел мотор самолета. «Чессна» вырулила на бетонную полосу и взлетела против ветра.

Ближе к вечеру молодая женщина вернулась к лабиринту на джипе и выгрузила небольшую походную кровать и брезентовый навес. Травен почти весь день проспал и проснулся, чувствуя себя хорошо отдохнувшим, лишь после возвращения Осборна с прогулки по окрестным дюнам.

– Что вы здесь делаете? – спросила женщина, крепя навес к крыше бункера.

Травен молчал, наблюдая за ней, потом все же ответил:

– Я... я ищу жену и сына.

– Они на этом острове? – удивленно спросила она, приняв ответ всерьез, и огляделась по сторонам. – Здесь?

– В каком-то смысле.

Осмотрев бункер, к ним присоединился Осборн.

– Ребенок на фотографии... Это ваша дочь?

Травен замялся.

– Нет. Но по ее воле я стал ей приемным отцом.

Не в состоянии ничего понять из ответов Травена, но все же поверив, что он непременно покинет остров, Осборн и молодая женщина отбыли в свой лагерь. Осборн каждый день приезжал делать перевязку. За рулем машины всегда

сидела женщина – похоже, она уже догадалась о роли, отведенной ей Травеном. Узнав, что раньше Травен был военным летчиком, Осборн счел его своего рода современным мучеником, жертвой моратория на ядерные испытания.

– Комплекс вины не должен служить источником бесконечных нравственных кар. Мне кажется, вы перегружаете свою совесть.– Но когда Осборн упомянул Изерли¹, Травен покачал головой.

Осборн на этом не успокоился.

– Вы уверены, что не ждете на Эниветоке эдакого сошествия святого духа?

– Поверьте, доктор, нет, – твердо ответил Травен.– Водородная бомба стала для меня символом абсолютной свободы. Я чувствую, что благодаря ей у меня есть право – нет, даже обязанность – поступать в соответствии со своими желаниями.

– Странная логика, – возразил Осборн.– Разве не ответственны мы, по крайней мере, за наши собственные физические оболочки? Помимо всего прочего...

– Уже нет, я думаю, – ответил Травен.– В конце концов все мы будто воскресли из мертвых.

Однако он часто думал об Изерли: типичный человек «третьего предвоенного», если исчислять этот период с 6 августа 1945 года, – человек с полным грузом вины перед че-

¹ Клод Изерли – американский летчик, участвовавший в бомбардировке Хиросимы

ловечеством.

Вскоре после того как Травен окреп настолько, что снова начал свои прогулки, его пришлось вызволять из лабиринта второй раз. Осборн стал более настойчив.

– Наша работа почти закончена, – предупредил он. – Вы просто умрете здесь, Травен. Что вы в конце концов ищете там, среди этих бетонных кубов?

«Могилу неизвестного мирного жителя, Номо hydrogenesis², эниветокского человека», – ответил Травен про себя, но вслух сказал:

– Доктор, вы не в том месте установили лабораторию.

– Да уж конечно, Травен, – едко ответил Осборн. – У вас в голове плавают рыбы куда чуднее тех, что мы видели на стоянке для подлодок.

За день до отлета женщина взяла Травена с собой к искусственным озерам, туда, где он впервые ступил на землю острова. В качестве прощального подарка Осборн передал с ней перечень названий хромосомных наборов на схемах мутации – совершенно неожиданный иронический жест со стороны пожилого биолога.

Остановившись у полузасыпанного песком музыкального автомата, женщина старательно прилепила список хромосомных наборов вместо названий песен.

Они довольно долго бродили среди останков «летающих

² Человека ядерного века (лат.)

крепостей». Травен потерял ее из вида и минут десять разыскивал, суматошно бегая среди дюн. Женщина стояла в небольшом амфитреатре, образованном наклонными зеркалами солнечной энергетической установки, построенной одной из предыдущих экспедиций. Когда Травен пробрался через металлические дебри, она улыбнулась ему, и в разбитых зеркалах возникла сразу дюжина фрагментированных отражений – где-то без головы, где-то многоруких, подобно индийской богине Кали. Травен смутился, повернул назад и пошел к джипу.

На обратном пути, овладев собой, Травен рассказал ей о том, как видел жену и сына.

– У них всегда спокойные лица, – говорил он. – Особенно у сына, хотя вообще-то он был довольно смешлив. Грустным его лицо было всего один раз – когда он родился на свет. Мне тогда показалось, что у него лицо человека, прожившего миллионы лет.

– Надеюсь, вы их найдете, – сказала молодая женщина, кивнув, затем добавила: – Доктор Осборн хочет сообщить про вас морской патрульной службе. Вам лучше будет где-нибудь спрятаться.

Травен поблагодарил ее и на следующий день в последний раз помахал рукой вслед самолету из самого центра лабиринта.

Морской патруль

Когда за ним прибыла поисковая группа, Травен спрятался в самом что ни на есть лучшем месте. К счастью, моряки не особенно усердствовали: они прихватили с собой пива, и вскоре поиски превратились в пьяную гулянку.

Позже Травен обнаружил на стенах телеметрических башен неприличные надписи, сделанные мелом: застывшие на бетоне человеческие тени вели между собой диалог, подобно героям комиксов, а их позы приобрели безнравственно-комичный характер и напоминали изображения танцоров в наскальной живописи.

Апогеем пьяного разгула стало сожжение подземного резервуара с бензином у посадочной полосы. Травен слушал сначала усиленные мегафонами голоса, выкрикивавшие его имя и эхом разносившиеся в дюнах, словно крики погибающих птиц, затем грохот взрыва, рев пламени и, наконец, смех моряков, покидающих остров, – ему показалось, что это последние звуки, которые он слышит в жизни.

Спрятался Травен в одном из контрольных водоемов среди обломков пластиковых манекенов. Под горячими лучами солнца их оплывшие лица пялились на него своими пустыми глазницами из мешанины конечностей и улыбались кривыми улыбками, словно беззвучно смеющиеся мертвецы.

Ему стало не по себе, и, выбравшись из завала пластико-

вых тел, он вернулся в бункер, но лица манекенов все стояли перед глазами. Он двинулся к лабиринту и тут увидел стоящих у него на пути жену и сына. До них было не больше десяти метров, и в обращенных к нему взглядах читалась несокрушимая надежда. Никогда раньше Травен не видел их так близко от лабиринта. Бледное лицо жены как бы светилось изнутри, губы раскрылись словно в приветствии, рука тянулась навстречу его руке. Сын смотрел на него не отрываясь, с забавно сосредоточенным выражением лица и улыбался той же загадочной улыбкой, что и девочка на фотографии.

– Джудит! Дэвид! – Потеряв голову, Травен бросился к ним.

Но неуловимая игра света превратила их одежду в саваны, и Травен увидел у них на груди, на шее страшные раны. Он в ужасе вскрикнул и, когда они исчезли, бросился в успокаивающе-безопасные проходы лабиринта.

Прощальный катехизис

На этот раз, как и предсказывал Осборн, Травен из лабиринта выбраться уже не смог.

Он сидел где-то в его центральной части, прислонившись спиной к бетонной стене и подняв глаза к солнцу. Горизонт был скрыт за ровными рядами кубов. Временами ему казалось, что строения наступают, надвигаются на него, словно скалы, и проходы между ними сужаются до расстояния вытянутой руки, превращаясь в узкие коридоры. Затем бетонные кубы вдруг отползли, раздвигались, словно точки расширяющейся вселенной, и даже ближайший их ряд казался далекой зубчатой оградой где-то у самого горизонта.

Время утратило свою непрерывность. Часами тянулся полдень, и тени прятались от жары внутри блоков, а солнечный свет отражался от бетонных дорог. Но неожиданно жаркий полдень сменялся утром или вечером, и длинные тени становились похожими на указующие персты.

– Прощай, Эниветок, – пробормотал Травен.

Где-то вдали будто мелькнул свет, и один из кубов исчез, как сброшенная костяшка на счетах.

Прощай, Лос-Аламос. И снова ему показалось, что исчез один куб. Стены коридоров вокруг оставались нетронутыми, но где-то в мысленном пространстве Травена появился маленький пробел.

Прощай, Хиросима.

Прощай, Аламогордо.

Прощайте, Москва, Лондон, Париж, Нью-Йорк...

Мелькание костяшек, отзвуки потерянных единиц... Тра-
вен остановился, осознав тщетность своего грандиозного
прощания. Такое расставание требовало от него подписи на
каждой частице покидаемой вселенной.

Абсолютный полдень: Эниветок

Теперь блоки лабиринта располагались на безостановочно вращающемся колесе обозрения. Они уносили Травена в небо, и с высоты он видел и остров, и море, а затем возвращался вниз сквозь непрозрачный диск бетонной равнины. Оттуда Травен видел изнанку бетонной коронки острова с ее вывернутым ландшафтом прямоугольных провалов, с куполами системы водоемов и тысячами пустых кубических ям на месте лабиринта.

«Прощай, Травен»

Ближе к концу он разочарованно обнаружил, что это предельное самоотречение не дало ему ровным счетом ничего.

Взглянув в один из периодов просветления на свои исхудавшие конечности, Травен увидел кружевной рисунок расплзавшихся язв. Справа от него плутал в потревоженной пыли смазанный след его ослабевших ног.

Слева тянулся длинный коридор лабиринта, соединявшийся с другим в сотне метров от Травена. За перекрестком, где случайный узкий просвет открывал пустое пространство, просматривалась, словно зависшая над землей, тень в форме полумесяца.

Следующие полчаса тень медленно ползла, постепенно меняя профиль дюны.

Расселина

Уцепившись сознанием за этот знак, явившийся ему словно герб на щите, Травен заставил себя двигаться. Он с трудом поднялся, прикрыл глаза, чтобы не видеть бетонных кубов, и пошел вперед, останавливаясь через каждые несколько шагов.

Спустя десять минут он выбрался, шатаясь, за западную границу лабиринта, словно голодный нищий, забредший в молчаливый покинутый город на краю пустыни. До дюны оставалось еще метров пятьдесят. А за ней, укрытый тенью, словно ширмой, тянулся влево и вправо от Травена известняковый гребень. Полузанесенные песком, валялись тут останки старого бульдозера, мотки колючей проволоки и двухсотлитровые бочки. Травен медленно добрал до дюны. Уходить от этой безликой песчаной опухоли не хотелось. Он потоптался у ее основания, затем сел в начале неглубокой расселины под выступом скалы.

Отряхнув одежду, Травен терпеливо смотрел на концентрические дуги, составленные из бетонных кубов.

И только минут через десять он заметил, что за ним кто-то наблюдает.

Забывтый японец

Труп, чьи глаза смотрели на Травена снизу вверх, лежал слева от него на дне расселины. Это был мужчина средних лет, коренастый; он лежал на спине, прижав ладони к вискам, словно рассматривал что-то в небе, а голова его покоилась на подушке из камней. Одежда на нем истлела, облепив его как саван, но поскольку на острове не было даже мелких хищников, плоть прекрасно сохранилась. Лишь кое-где, на сгибе колена или на запястьях, просвечивали сквозь тонкий пергамент кожи кости, но лицо сохранило все свои черты – тип образованного японца. Разглядывая крупный нос, высокий лоб и широкий рот, Травен решил, что это скорее всего врач или адвокат.

Удивляясь, как тут оказался труп, Травен сполз в расселину. Радиационных ожогов на коже японца не было – значит, он попал сюда лет пять назад или даже меньше. Да и одежда не походила на форменную – едва ли он тогда из какой-нибудь военной или научной группы.

Рядом с трупом, слева, лежал обтрепанный кожаный футляр – планшет для карт. Справа – останки рюкзака, из которых выглядывали фляга с водой и маленький походный котелок.

Травен заскользил вниз по склону, пока его ноги не уперлись в растрескавшиеся подошвы ботинок японца. Голод за-

ставил его на мгновение забыть, что тот специально выбрал расселину, чтобы умереть. Он протянул руку и выхватил из рюкзака флягу: на самом дне плескалось немного ржавой жидкости. Травен в несколько глотков выпил безвкусную воду, и растворенные металлические соли осели на его губах и на языке горькой пленкой. В котелке, кроме чуть липкого осадка высохшего сиропа, ничего не оказалось. Травен соскреб его краем крышки и принялся жевать смолистые чешуйки – они растворялись во рту с почти одурманивающей сладостью. Спустя несколько секунд у него даже голова закружилась, и он привалился спиной к камню рядом с трупом. Незрячие неподвижные глаза японца взирали на него с состраданием.

Муха

(Маленькая мушка, которая, по мнению Травена, последовала за ним в расселину, жуужжит теперь у лица мертвого японца. С некоторым чувством вины Травен наклоняется, чтобы убить ее, но вдруг осознает, что, возможно, этот крохотный страж долгое время был единственным другом японца, а в качестве компенсации питался богатыми выделениями из его пор. Осторожно, чтобы случайно не повредить мушки, Травен приглашает ее сесть к нему на запястье.)

Доктор Ясуда. Благодарю вас, Травен. В моем положении, сами понимаете...

Травен. Конечно, доктор. Прошу прощения за то, что пытался ее убить – знаете, врожденные привычки... От них не так-то просто избавиться... Дети вашей сестры в Осаке в сорок четвертом... Ужасы войны... Я не хочу их оправдывать. Большинство известных мотивов вражды столь отвратительны, что люди пытаются отыскать какие-то неизвестные в надежде...

Ясуда. Прошу вас, Травен, не смущайтесь. Мухе повезло, что она сохраняет себя так долго. Сын, которого вы оплакиваете, не говоря уже о двух моих племянницах и племяннике, – разве не умирают они каждый день снова и снова? Все родители в мире горюют по утраченным сыновьям и дочерям

– по тем, какими их дети были в раннем возрасте.

Травен. Вы чрезвычайно терпимы, доктор. Я бы не осмелился...

Ясуда. Вообще нет, Травен. Я не ищу вам оправданий. Все мы в итоге представляем собой лишь малую толику бесконечных нереализованных возможностей, дарованных нам в жизни. Но ваш сын и мой племянник навсегда остались у вас и у меня в памяти именно такими, какими были тогда, и их «я» неизменны, как звезды в небесах.

Травен (*не очень уверенно*). Возможно, это и так, доктор, но отсюда следует опасный вывод относительно этого острова. Бетонные кубы, например...

Ясуда. Я именно их и имею в виду, Травен. Здесь, в лабиринте, можно обрести наконец свое собственное «я», свободное от опасного влияния времени и пространства. Этот остров – онтологический рай, так зачем же изгонять себя самого в этот изменчивый мир?

Травен. Простите... (*Муха уселась прямо в высохшую глазницу японца, отчего у мудрого доктора насмешливо заблестел глаз. Наклонившись вперед, Травен сгоняет ее и заманивает на свою ладонь, потом внимательно разглядывает.*) Да, возможно, бункеры и в самом деле носят онтологический характер, но я сомневаюсь, что теми же свойствами обладает муха. Это, безусловно, единственная муха на острове, что почти так же хорошо...

Ясуда. Вы не в состоянии принять множественность все-

ленной, Травен, – вы не пробовали задаться вопросом «почему»? И чем вас так притягивает этот остров? Мне кажется, вы охотитесь за белым левиафаном, за чем-то несуществующим. Этот остров опасен. Бегите отсюда. Будьте покорны и следуйте философии смирения.

Травен. Тогда могу ли я спросить, зачем здесь вы, доктор?

Ясуда. Чтобы кормить эту муху. «Бывает ли любовь сильнее...»

Травен (*все еще растерянно*). Впрочем, это не решает моей проблемы. Эти кубы, понимаете ли...

Ясуда. Хорошо. Если вам так необходимо...

Травен. Но, доктор...

Ясуда (*повелительно*). Убейте муху!

Травен. Но ведь это еще не конец, да и не начало... (*В отчаянье он убивает муху. Затем падает без сил рядом с трупом и засыпает.*)

Последний берег

Пытаясь отыскать на свалке за дюнами кусок веревки, Травен наткнулся на моток ржавой проволоки. Распутав проволоку, он обмотал ею труп и вытащил его из расселины. Из крышки деревянного ящика получились примитивные салазки. Травен посадил на них труп, привязал и двинулся по краю лабиринта. Остров безмолвствовал. В горячем воздухе застыли неподвижные пальмы, и только благодаря собственному перемещению менялись непостоянные символы их перекрещенных стволов. Квадратные башенки телеметрических постов торчали над дюнами, словно забытыеobelisks.

Час спустя, добравшись до навеса у своего бункера, Травен отцепил проволоку, обмотанную вокруг пояса. Затем взял складное кресло, оставленное ему доктором Осборном, отнес его примерно на середину пути от своего убежища до лабиринта, посадил туда мертвого японца, уложив его руки на деревянные подлокотники, чтобы создавалось впечатление безмятежного покоя, и привязал.

Довольный содеянным, Травен вернулся к бункеру и присел на корточки под навесом.

Проходили дни, сливаясь в недели. Японец с достоинством восседал в своем кресле, охраняя Травена от бетонных блоков. Теперь у него хватало сил, чтобы время от вре-

мени выходить на поиски пищи. Под горячими солнечными лучами кожа японца все больше выцветала, выбеливалась. Иногда, проснувшись ночью, Травен натыкался взглядом на бледное привидение со спокойно лежащими на подлокотниках руками. В такие мгновения он часто замечал, что с дюн наблюдают за ним жена и сын. Со временем они стали подходить все ближе и иногда оказывались всего в нескольких метрах у него за спиной.

Травен терпеливо ждал, когда они заговорят, и думал о бетонном лабиринте, вход в который охранял сидящий там мертвый архангел, а волны бились и бились о далекий берег, и в снах Травена по-прежнему рушились с неба горящие бомбардировщики.